

© 2017 г.

В.Н. ЖУКОВ

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В РОССИИ: К ВЫХОДУ НОВОГО УЧЕБНИКА

Жуков Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) (E-mail: pifagor2002@mail.ru).

Zhukov Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, professor of department of theory of state and law and politology of the law faculty of Moscow state University named M.V. Lomonosov (Moscow, Russia) (E-mail: pifagor2002@mail.ru).

Аннотация: в статье рассматриваются основные тенденции современной философии права в России, анализируется учебник по философии права проф. О.В. Мартышина. Сопоставляется философия права в дореволюционной и современной России.

Abstract: the article deals with main trends of modern philosophy of law in Russia, analyze the textbook on the philosophy of law by Prof. O.V. Martyshin. Juxtapose the philosophy of law in pre-revolutionary and modern Russia.

Ключевые слова: философия права, юридическая наука, общая теория права, О.В. Мартышин, В.С. Нерсесянц, Г.В. Мальцев.

Key words: philosophy of law, legal science, General theory of law, O.V. Martyshin, V.S. Nersesyants, G.V. Maltsev.

Вышел в свет новый учебник по философии права, подготовленный нашим известным юристом О.В. Мартышиным¹. Несмотря на то что за весь постсоветский период выпущено уже более сотни учебников и учебных пособий по философии права, каждая новая работа по данной дисциплине вызывает интерес. Философия права в современной России — становящаяся отрасль знания, которая все еще ищет свои аутентичные формы (если таковые вообще имеются). Философия права — область острых дискуссий о статусе дисциплины, ее месте в обществоведении и учебном процессе, структуре, предмете, методах исследования и т.п. В дореволюционной России философия права развивалась под преобладающим влиянием европейской традиции, хотя были намечены и свои, отечественные. Будучи одной из старейших дисциплин, философия права прочно вошла в систему юридического образования и науки Европы и России. В качестве самостоятельной отрасли знания она формируется в XVII—XVIII вв. в рамках естественно-правовой школы. Благодаря учениям Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Х. Вольфа, И. Канта идеи естественного права не только конституируют философию права, но пронизывают всю юриспруденцию. Предметом данной исторической формы философии права было естественное право, некое врожденное представление о праве,

противопоставляемое праву позитивному. С начала XIX в. философия права вступает в новую фазу своего развития: в немецкой философии, согласно Н.М. Коркунову, происходит поворот от абстрактного рационализма к конкретной действительности, в том числе к позитивному праву. Сначала Шеллинг, затем Гегель, Краузе и Герbart ставят себе задачу “понять положительное право в его исторических формах, выяснить его основы”².

В России была примерно такая же картина: во второй половине XVIII — первой трети XIX в. философия права существовала в форме естественного права (В. Дильтей, Ф.-Г. Баузе, К.-Г. Лангер, А.П. Куницын), в 30–40-е годы — уже в форме гегельянства (П.Г. Редкин, Б.Н. Чичерин). В XIX — начале XX в. в России (как и в Германии) философию права разрабатывали прежде всего и в основном юристы, хотя сама дисциплина и не была предусмотрена университетскими уставами. Наша академическая философия права второй половины XIX — начала XX в. довольно четко разбивается на два основных направления: метафизическое (в форме гегельянства (П.Г. Редкин, Б.Н. Чичерин), кантианства (П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой), феноменологии (Н.Н. Алексеев) и религиозной метафизики (И.А. Ильин)) и позитивистское (Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич

¹ См.: Мартышин О.В. Философия права. Учебник для магистров. М.: Проспект, 2017. 352 с.

² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 41.

и др.). Философы-метафизики отстаивали самостоятельный статус философии права, считали ее ядром фундаментальной юриспруденции. Позитивисты зачастую отождествляли философию права и общую теорию права, статус первой как самостоятельной науки ставился под сомнение. И метафизическая, и позитивистская философия права были тесно связаны с философией. Вместе с тем в метафизической философии права в наибольшей степени присутствовал мировоззренческий компонент, делался акцент на выявлении смысловой картины мира. Позитивистская философия права смещала мировоззренческий компонент на периферию, тяготела к социологии и антропологии, включала в себя юридическую догматику, что создавало основу для ее перерастания в общую теорию права.

В советский период философия права сначала (в 20-е годы) была растворена в историческом материализме, затем, после оформления в конце 30-х годов так называемой марксистско-ленинской общей теории государства и права, становится ее частью. Сам термин «философия права» в целом воспринимался советским обществоведением негативно, как разновидность буржуазной идеологии. На излете советской власти философия права обособляется в виде «философских проблем общей теории права» (например, работы Д.А. Керимова), и наконец, после краха идеологического монополизма философия права появляется (во многом благодаря усилиям Д.А. Керимова, В.С. Нерсисянца, Г.В. Мальцева, С.С. Алексеева и др.) как вполне уважаемая академическая дисциплина, претендующая на самостоятельность и самоценность. Вместе с тем положение философии права в нашей научной и образовательной среде нельзя назвать прочным. Если на философских и политологических факультетах философия права чувствует себя достаточно уверенно, то в системе юридического образования она испытывает большие трудности. Научный и преподавательский корпус теоретико-правовой науки встретил новую дисциплину либо с непониманием, либо враждебно, как опасного конкурента, подрывающего монополию и единство привычной для большинства «общей теории государства и права» (кстати сказать, так же воспринимается и социология права). «Теоретики» и «политученцы» (а именно им приходится читать философию права) не очень понимают, каким должно быть содержание курса, чем он отличается от курсов «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», и вообще почему именно они должны читать этот курс, а, например, не философы (в некоторых вузах философию права отдали на

кафедры философии, чтобы только не заниматься самим). А вот философы, напротив, проявляют большую активность в том, чтобы оставить эту дисциплину у себя. При общем упадке, в котором сейчас находится философия, при том к ней пренебрежении в системе высшего образования, которое повсеместно наблюдается, курс философии права делает ее более весомой, более прикладной, что как бы дает дополнительные гарантии против ее возможной полной ликвидации.

Все указывает на то, что «золотой век» философии и социальных наук остался в прошлом. Основные шедевры уже созданы. Во второй половине XX в. начинается очевидный творческий спад, преобладают подражание классике и реминисценция по поводу классики, что оставляет ощущение интеллектуальной немощи. Этот эффект объясняется, как минимум, двумя причинами. Во-первых, все основные идеи об обществе и его истории уже сформулированы, остается их только интерпретировать. Новизна в социальных науках определяется не тем, что научное знание идет вперед, глубже постигая суть вещей, а тем, что социальная эмпирика меняется, а наука ее фиксирует и изучает. Такого рода знание мало что добавляет к фундаментальным представлениям об обществе, сложившимся к середине XX в. Во-вторых, развитие социальных наук все больше блокируется запретами, исходящими от государства и стереотипов массовой культуры. Говорить правду, как понимает ее ученый, стало опасным делом, назвав вещи своими именами, он рискует получить тюремный срок или быть растерзанным толпой в прямом и переносном смысле. Интеллектуальная свобода закончилась, а с ней — эпоха подлинной социальной науки.

Современная философия права на Западе и в России характерна, за редкими исключениями, интеллектуальным бессилием, подражательностью, политической лояльностью и политкорректностью. Возьмем, например, проблему подражательности. Главные источники по философии права появляются, конечно, в Германии под эгидой немецкого идеализма. «Философия права» Гегеля — классический труд, заложивший традицию написания подобного рода работ. В Европе и России за образец аутентичной философии права берут, как правило, эту работу, что в целом возражений не вызывает. Действительно, Гегелю удалось показать, как можно на высоком абстрактном уровне рассматривать эмпирические формы политико-правового бытия. Вместе с тем следует признать, что при всем богатстве идей язык данного сочинения, по выражению ортодоксального гегельянца Б.Н. Чичерина, «варварский», текст

литературно не обработан, местами напоминает обрывки мыслей, записанных в том порядке, в каком пришли автору в голову. Читая Гегеля, возникает ощущение, что он будто вымучивает текст, с огромным трудом доставая его из глубин сознания, сил на литературную обработку уже не остается. А между тем автор, особенно философ, обязан стремиться к тому, чтобы максимально четко выразить свою мысль и донести до читателя. В этом и состоит подлинное мастерство литературного изложения: четко и ясно сформулировать даже самые сложные мысли. Ученики и последователи Гегеля это понимали и потому после его смерти подготовили и издали на основе его лекционных курсов работы, написанные нормальным, внятным языком (“Лекции по истории философии”, “Лекции по философии истории”, “Лекции по эстетике”, “Лекции по философии религии”). Другой, еще более яркий пример языковой невнятицы – философия М. Хайдеггера. По философии права он почти ничего не писал, но его литературный стиль весьма показателен. Лексика Хайдеггера подобна языку древних исчезнувших цивилизаций, и свою задачу исследователи его творчества, по-видимому, видят в том, чтобы расшифровать данную криптограмму. Восторженные поклонники Хайдеггера похожи на неопитов, медитирующих над текстами своего учителя, поскольку медитация есть, видимо, единственно возможный способ прочтения такого рода философского материала. Если религиозные и художественные тексты действительно нередко требуют особого метода вживания в материал, то философ не может допустить, чтобы его сочинения воспринимались как криптограммы, требующие расшифровки. Философия, какой она зародилась в Древней Греции, – это рациональная форма мысли, это способ рационализации эмоционального и ценностного восприятия мира. Философия необходима для того, чтобы представить мироздание в рациональной, логически очищенной форме. В случае с Гегелем и Хайдеггером наблюдается как раз обратное: мысль погружается в бессознательное, проявляется как бесформенная архаика. В “Метафизике” Аристотеля (например, при всей ее сложности) ничего подобного нет. Проблема состоит в том, что среди современных философов права нашлось немало тех, кто принял гегелевский лексический сумбур за особую глубину мысли. Здесь форма заслонила содержание, она была принята за сущность мысли. Оригинальное философствование было заменено заимствованием формы, т.е. проявлена грубая подражательность. На основе кантианства, гегельянства, феноменологии, постмодернизма пытаются выстраивать концепции, где доминируют форма, стиль, внешний

антураж, а самостоятельной мысли почти нет. Поскольку все главные идеи уже высказаны, экспериментировать можно только с формой, что в основном и делается.

Отличительными чертами русской дореволюционной философии права были ясность, строгость, четкость, стремление донести свою мысль до читателя. Причем это касается как метафизического, так и позитивистского направлений. Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин, Е.В. Спекторский и др., пройдя школу немецкой философии и юриспруденции, смогли выработать собственный понятийный аппарат и подняться до оригинальной мысли. О них никак не скажешь, что они гонялись за новой формой, привлекающей внимание. Главной особенностью их творчества было осмысление государства и права в контексте смысла личностного и социального бытия. Это была подлинная философия права в том смысле, что политико-правовое бытие рассматривалось как мировоззренческая, ценностная проблема. Удивительным здесь было, в частности, то, что такого рода философию права создавали в основном юристы, т.е. люди из другой, нефилософской среды. Поразительным является тот факт, что, пройдя профессиональную юридическую подготовку, они восприняли философию не через призму специфического мира права, а непосредственно, как она представлена в ее лучших классических образцах. Совершенно другую картину мы наблюдаем в современной философии права России. В преобладающей мере ее создают также юристы, но мировоззренческого компонента здесь почти нет. Читая их тексты, видишь перед собой юриста, который понимает философию права в основном в духе нормативизма и которому трудно выйти за рамки юридической догматики. А между тем в дореволюционной России цивилист и социологический позитивист Г.Ф. Шершеневич написал “Общую теорию права”, где в высшей степени органично совместил философский, социологический, антропологический и догматический подходы. Для него как для позитивиста общая теория права и была формой философии права, где нужно было показать широту философских обобщений, преодолев узкий горизонт профессионального юриста.

Учебник проф. О.В. Мартышина, продолжая лучшие традиции классической философии права, резко выделяется на общем фоне современной научной и учебной литературы. Объем – 22 печатных листа, структура – шесть глав, освещающих такие темы, как философия права как научная и учебная дисциплина, право и мораль, ценности в праве,

типы правопонимания, новые теории права, соотношение личности, общества и государства. Работа представляет собой одновременно и научный труд, и учебник, что не содержит в себе никакого противоречия. Конечно, учебник предполагает материал, адаптированный для учебного процесса, но при этом отражающий современный уровень обществоведческого знания. Следует вспомнить, что европейская традиция как раз и состояла в органичном совмещении научной и учебной деятельности: преподаватель университета, готовя оригинальные учебные курсы, тем самым развивал и науку (Кант, Фихте, Гегель так и делали). Европейские университеты были центрами и науки, и образования.

Структура учебника — авторская, и по-другому быть не может. Если курсы по теории государства и права или истории политических и правовых учений уже накатаны, стали привычными, то философия права — дисциплина становящаяся, где каждый автор вправе сам отбирать материал. Современная философия права в Европе и России демонстрирует большое разнообразие по этой части, что, наверно, может свидетельствовать об отсутствии рамок и объективных критериев по отбору материала. Тем не менее критерии все-таки должны быть, их следует вырабатывать. Так, «Философия права» Гегеля хотя и классический труд, но его никак не назовешь универсальным для использования в учебном процессе. По свидетельству современников, студенты воспринимали его крайне тяжело, мало чего в нем понимая. Кроме того, философия права Гегеля — лишь часть его философской системы, призванной проиллюстрировать применение науки логики к такой специфической сфере, как государство и право. Гегелевский курс по философии права беспредельно широк, он включил в себя практически все отрасли обществознания того времени: антропологию, психологию, этику, экономическую теорию, философию истории, философию религии и т.д. Здесь сказалась специфика эпохи, когда университетский преподаватель вынужден был читать по всем отраслям знания — от математики и естествознания до философии и богословия. Сейчас, во времена крайне высокой дифференциации наук, такой подход недопустим, хотя следует признать, что весьма абстрактный характер философского знания позволяет обращаться к самому разнообразному материалу. Пример негодной структуры в современной литературе — «Философия права» академика В.С. Нерсисянца. Данный учебник — едва ли не самый первый у нас в стране и уж точно — самый известный. Когда говорят о современной философии права, прежде всего вспоминают

именно его, а самого автора, как правило, воспринимают в качестве крупнейшего специалиста в этой области. Повторим, что благодаря в том числе его усилиям, философия права вернулась в нашу академическую и образовательную среду, но это не основание, чтобы не говорить о недостатках. Так, под вывеской «философия права» при объеме в 41 печатный лист³ (выглядит очень солидно, у Гегеля вдвое меньше) мы находим примерно 16 листов материала, посвященного истории советской теории права и концепции «цивилизма» (проект будущей России), 16 — истории политических и правовых учений, и только оставшиеся 9 — собственно философии права в лице либертарной теории. Ее идейное ядро, нерв, стержень — антисоветизм и антикоммунизм. Выдерните из нее этот стержень, и там мало что остается, разве некоторая интерпретация известных идей Канта, Гегеля и Кельзена. Иначе говоря, студенту предлагается не более или менее универсальное философское знание о праве и государстве, а крайне идеологизированная концепция, отражающая отношение В.С. Нерсисянца к советскому прошлому. В учебнике О.В. Мартышина нет таких перекосов, там дается материал, прямо относящийся к философии права, хотя и его структура не лишена недостатков. Так, если есть глава о соотношении права и морали, можно было бы включить еще главы о соотношении права и религии, права и обычая, права и традиции и т.п. Шестая глава «Личность, общество, государство» выглядит несколько конспективно для такой огромной темы, главу можно было бы существенно расширить.

Главное достоинство учебника О.В. Мартышина — четкость, ясность, точность, строгая логика при изложении материала, главы имеют необходимую завершенность, сделаны выводы, создающие впечатление органической цельности работы. Нет недосказанности, полутонов, размытости, глухих намеков, читателю предлагается готовая позиция, остается только согласиться с ней или ее отвергнуть. Профессор О.В. Мартышин справедливо указывает, что под видом философии у нас, как правило, подают какую-то невнятицу, какой-то туман, отражающий не объективный мир, а смутные ощущения авторов, приправленные фразеологией, взятой напрокат у различных философских школ. Что считать философией — вопрос не простой, на эту тему написано немало книг. Каждый более или менее крупный философ, предлагая свою философскую концепцию, так или иначе пытается ответить и на этот вопрос. Философская концепция

³ См.: Нерсисянц В.С. Философия права. Учеб. для вузов. М., 1997.

и концепция философии – две стороны одного вопроса. Особенно остро тема специфики философского знания стоит у нас. Советский марксизм при всем его догматизме представлял собой прекрасную школу мысли, был надежным проводником в социальных исследованиях, составлял их прочную основу. И это можно понять: гегельянство, из которого вышли марксизм, исторический и диалектический материализм, вобравшие в себя все богатство европейской философии, несли с собой высокую культуру философствования. Советский марксизм хотя и тормозил развитие самостоятельной мысли, приучал к дисциплине строгого мышления. Марксистская советская школа требовала от автора определенности, категоричности, логики в доказательствах, четкости в выводах. Утрата советским марксизмом монополии на истину повлекла за собой обвал и в известном смысле интеллектуальную катастрофу в сфере философии и гуманитарной мысли в целом. Уместно провести такое сравнение. Советская власть при всех трагических сторонах тоталитарного режима сумела привить большинству русского народа (на момент 1917 г. это в основном неграмотное крестьянство) достаточно высокий уровень культуры, приучить его к дисциплине мысли и поведения. Однако после падения советской власти, снявшей многие культурные ограничения, русский народ довольно быстро вернулся к своему историческому культурному ядру, впад в “новое русское средневековье”. Примерно то же произошло в сфере философии и гуманитарных наук. Освободившись от марксизма, наша гуманитарная интеллигенция обнажила свою интеллектуальную незрелость, безнадежный провинциализм, подражательность и творческое бессилие. Вместо философии мы получили “любительский капустник”, где каждый волен написать любую невнятицу, подав ее в качестве “своего видения мира”, а иногда даже – “нового слова” в философии. На этом убогом фоне марксизм или просто классический европейский рационализм смотрятся как высокая культура, противостоящая упадку и интеллектуальному варварству.

Философская мысль, если вести ее от античности, представляет собой огромный массив текстов, школ, направлений, имен, подвести все это под некий общий знаменатель невозможно. Автор, пишущий учебник, должен суметь отобрать тот материал, который подходит для методических целей и уж, конечно, в котором он сам чувствует себя уверенно. Серьезный недостаток нашей литературы по философии и философии права состоит в том, что авторы часто работают с материалом, который им не по зубам. Обращаются

к Канту, Гегелю, Хайдеггеру, Гуссерлю, Попперу с тем, чтобы как-то приспособить их идеи к своей позиции, но, не справившись со сложностью задачи, предлагают читателю туман вместо ясной концепции. Вместо того чтобы признаться себе в неспособности адаптировать сложный философский материал под себя, автор вымучивает текст, пытается изобразить из себя творца новой теории. Несомненным достоинством О.В. Мартышина является его интеллектуальная честность, он решительно отсекает тот материал, который ему представляется неясным, невнятным, трудно адаптируемым, непереводимым на язык философии права. Данный автор, отличаясь цепким, критическим умом, умеет придать любому бесформенному материалу концептуальный вид (при условии наличия там идей). Если многие современные авторы тонут в материале, который берутся анализировать, то О.В. Мартышин, напротив, всегда как бы возвышается над ним, уверенно им оперируя. Такой способностью обладает далеко не каждый из тех, кто пытается писать на философские темы. Здесь, конечно, называется хорошая школа, которую прошел проф. О.В. Мартышин в качестве политученца. В исследованиях такого рода принципиально важно иметь способность отыскать во взглядах автора ключевые идеи и внятно, концептуально их изложить, или, напротив, прийти к выводу об интеллектуальности несостоятельности автора. Конечно, могут возразить, что О.В. Мартышин, отсекая все лишнее, как ему кажется, в философии, отсекает все ему непонятное и составляющее львиную долю мировой философии. Автор как бы работает на узком пяточке понятных ему теорий и идей, отказав всему тому, что ему непонятно, в праве на научную жизнь. Такая оценка текста О.В. Мартышина была бы неверной. Да, он тяготеет к простым формам в философии, его собственные позиции, видимо, близки к марксизму, эмпирике и позитивизму. Очевидно, с этих позиций он и судит, оценивая своих собратьев по философии права. Однако на их фоне данный автор выглядит просто блестяще, и в этой простоте и ясной логике мы находим продолжение лучших традиций дореволюционной философии права.

О.В. Мартышин – юрист, а не философ, или, лучше сказать, юрист, смотрящий на философию через призму своего профессионального образования. Как сказано выше, дореволюционные русские философы права (а они, как правило, по образованию и роду деятельности – юристы) воспринимали философию не опосредованно, через право, а непосредственно. Читая их тексты, не возникает впечатления, что философия для них есть только средство понять право и государство.

Они воспринимали философию как свою родную среду, легко и естественно, им было доступно рассматривать право не с юридических, а с философских позиций. Философия права П.И. Новгородцева или И.А. Ильина — это тексты профессиональных философов, про которых никак не скажешь, что к философии они прибегают как бы по обязанности, с целью соответствовать статусу философски образованного юриста. О.В. Мартышин, напротив, считает необходимым различать философскую философию права и юридическую философию права⁴. «Юристы создают свою философию права, что в сфере юриспруденции оказывается убедительным и практически полезным»⁵. Для философов, рассуждает он, философия права — часть философии, для юристов — часть общей теории права либо юриспруденции в целом. Философская философия права рассматривает право в связи с мировоззрением, юридическая философия права изучает юридическую природу права. Если следовать данной логике, получается какая-то культурная сегрегация: эта философия — для философов, а эта — для юристов. Вряд ли данная схема жизнеспособна, так как философия одна (хотя и в форме разных школ и направлений), кроме того, и юристы бывают разные, и философы. Такую классификацию О.В. Мартышин избирает потому, что она лично ему подходит, отвечает его личным вкусам и предпочтениям. Здесь мы имеем другое (скорее негативное) следствие его подхода в философии — отсекают все лишнее и непонятное. Если отдельный юрист не может или не хочет заниматься мировоззренческими вопросами в философии права, это совсем не значит, что все юристы таковы. Вместе с тем проф. О.В. Мартышин совершенно прав, что в юридической среде широко распространена так называемая аналитическая (или догматическая) философия права, самым крупным представителем которой был Кельзен. В своем «Чистом учении о праве» он блестяще продемонстрировал, как можно применять догматический метод при абстрактном, философском анализе политико-правовых явлений. Если отраслевик использует догматический метод в целях создания принципов, норм и конструкций, то теоретик (философ) стремится на основе догматического метода дать общую картину жизни права и государства. Представляется, что и О.В. Мартышин, и В.С. Нерсесянц в целом и главным следуют именно такой установке. Что такое либертарная теория права, как не попытка понять природу права из самого права и через призму права? Такую

же задачу перед философией права ставит и проф. О.В. Мартышин. Для этого, однако, совсем не стоит придумывать философию права для юристов и философов, надо просто вспомнить, что есть разные философские и юридические школы. Назвав свою философию права юридической (философия права юристов и для юристов), автор, тем не менее, выходит далеко за рамки догматического метода, рассуждая в том числе о мировоззренческих вопросах (например, в темах о ценностях и политическом отчуждении). На выходе получилась работа отнюдь не только догматического характера, она продемонстрировала также и широкий философский подход при рассмотрении права и государства. Следует подчеркнуть, что применение О.В. Мартышиным догматического метода дает прекрасные результаты, внося в текст логику и строгость. Казалось бы, догматический метод должен быть «в крови» у юристов, однако на поверку выходит, что это далеко не так. Оказывается, что применять догматический метод в теории (философии) права способен далеко не каждый, это своего рода талант, и О.В. Мартышин им обладает в полной мере. И это опять-таки подтверждает, что далеко не каждый юрист способен создавать догматическую (юридическую) философию права.

Профессор О.В. Мартышин справедливо считается одним из тех юристов, которые в нашей стране разрабатывали тему ценностей в праве. В своем учебнике он посвящает ей почти треть текста, в который раз обнаруживая к ней стойкий интерес. Обращение к теме ценностей оправдано и необходимо, так как настоящая, подлинная философия — это и есть рациональное воспроизведение ценностных установок субъекта. Ценности — это та «вторая природа» человека, которая предопределяет его взгляд на мир, государство и право. Следует напомнить, что классическая аксиология формируется в Германии в конце XIX — первой трети XX в. Данный период — «золотой век» философии ценностей, нигде потом она не достигает такой степени разработки. Благодаря работам В. Виндельбанда, Г. Риккерта, М. Шелера, Э. фон Гартмана, Н. Гартмана, Э. Гуссерля формируется ее идейное ядро, она становится самостоятельным направлением. Философия ценностей — крайне тонкая, едва уловимая тема, нужен особый склад ума, чтобы ее развивать, а тем более — приспособить к какой-либо смежной сфере, например, к искусству, политике или праву. В нашей стране работ по аксиологии почти не было: из дореволюционных авторов можно назвать только Н.О. Лосского, в советский период она была растворена в марксистской этике и в целом рассматривалась как разновидность буржуазной философии. Еще

⁴ См.: Мартышин О.В. Указ. соч. С. 33.

⁵ Там же. С. 18.

хуже обстояло дело с ценностной проблематикой в теории права. Своих исследований у нас нет, знают главным образом переводную книгу болгарского юриста Н. Неновски⁶, проходившего обучение в СССР (работа, может, и не выдающаяся, но единственная в своем роде). На этом фоне раздел в отечественных учебниках о ценностях в праве — заметный шаг вперед. Однако, как правило, речь идет о таких хорошо известных философских категориях, как свобода, равенство, справедливость. Собственно теория ценностей в праве в этом случае почти не затрагивается и понятно почему: она не лежит на поверхности, ее трудно ухватить, начинать надо почти с нуля. Свободу, равенство, справедливость можно, конечно, рассматривать и как ценности, но в нашей литературе они подаются в основном традиционно, в качестве общефилософских категорий, на которых набили руку историки философских, политических и правовых учений. О.В. Мартышин в основном идет по этому же пути, хотя и дает краткую теорию ценностей, в чем видится его несомненная заслуга.

Автор отмечает, что сторонники юридического позитивизма отвергают ценностный подход к праву, приводя в пример Дж. Остина и Кельзена⁷. Здесь не все так однозначно. Кельзен “очищает” теорию права от ценностей в том смысле, что предлагает рассматривать его не через призму философии ценностей и как элемент культуры, а используя догматический метод. Саму же тему ценностей в праве он не только не исключает, но, напротив, глубоко и плодотворно исследует. Так, много внимания уделяется идее, что мир должно, ценностей творится нормой позитивного права, и это, по Кельзену, обеспечивает единство права, государства и правопорядка⁸. Данный способ исследования сущего и должного в праве берет на вооружение Н. Неновски, демонстрируя его возможности на протяжении десятков страниц. Чего-то подобного в отечественной литературе никто не делал, включая и О.В. Мартышина. Последний выстраивает теорию ценностей традиционно, в целом на второстепенном, периферийном для данной темы материале (статьи из отечественных и западных философских и юридических словарей), главные источники по аксиологии остаются без внимания. Понятно, что немецкая философия ценностей, тяготеющая к метафизике, идеализму и религии, далека от интересов О.В. Мартышина, но все-таки хорошо было бы узнать, какую

интерпретацию могла бы она получить у данного автора. Вместе с тем и в теме о ценностях он также проявляет свои лучшие качества, внося в нее четкость и логику. Оставаясь верным самому себе, ученый рассматривает свободу, равенство, справедливость в конкретно-историческом духе, философия ценностей не повисает у него в воздухе в виде туманных абстракций, а наполняется самой жизнью. Широко привлекается материал из современной российской действительности, что знакомо читателю и может его убедить в позиции автора. О.В. Мартышин, рассуждая на тему свободы, равенства, справедливости, выступает также в роли политического публициста и пропагандиста, вступает в идейный спор с представителями различных политических направлений. Все это только усиливает положительный эффект от книги.

Учебник по философии права должен включать в себя в той или иной форме раздел о сущности права, его главных особенностях. О.В. Мартышин излагает эту тему в виде типологии правопонимания, что вполне объяснимо, так как автор — главным образом специалист в области истории политических и правовых учений, который в 90-е годы начал публиковать статьи по теории и философии права. Его опыт политученца стал надежным фундаментом в теоретико-правовых исследованиях. Ему представляется аксиомой, что плюрализм в понимании права неизбежен и только на пути сопоставления и синтеза разных подходов возможно изучение права. Каждая крупная школа, по логике автора, содержит в себе рациональный компонент, который необходимо брать на вооружение. Почти треть учебника посвящена рассмотрению главных направлений в учениях о праве, где на основе широчайшего, во многом нового материала (включая англоязычную литературу) анализируются слабые и сильные стороны каждого из них. В результате читатель получает знание, которое не перекошено в сторону авторских предпочтений, а объективно отражает всю сложность и противоречивость бытия права.

Профессор О.В. Мартышин много внимания уделяет обоснованию предложенной им типологии правопонимания, полагая, видимо, что данный вопрос имеет большое эвристическое значение. Все разнообразие подходов, утверждает он, подразделяется на четыре основных типа понимания права: юридический позитивизм (нормативизм), социологический позитивизм, теории естественного права, философский подход к праву (“раскрытие принципа, логической структуры, лежащей в основе как позитивного, так и естественного права,

⁶ См.: Неновски Н. Право и ценности. М., 1987.

⁷ См.: Мартышин О.В. Указ. соч. С. 75.

⁸ См., например: Кельзен Г. Чистое учение о праве. Изд. 2-е. М., 2015. С. 28–37.

модель правовой нормы”⁹). В основе классификации лежит единый критерий — юридический подход в изучении права. Иначе говоря, эта классификация сугубо юридическая, она создана юристами, для юристов в целях собственно юридического исследования (здесь также проявляется изначальная установка автора на создание “юридической философии права”). За рамками типологии, признает исследователь, остаются марксистская, психологическая и историческая школы права, но так и должно быть, потому что, полагает он, они не дают своего, не подпадающего под названные школы определения юридической природы права.

Действительно, распределять воззрения на право по типам правопонимания — весьма пространная вещь среди наших современных юристов-теоретиков, они много и увлеченно рассуждают на эту тему и даже пишут книги. Удивительно, что ни русским дореволюционным, ни европейским юристам XX в. такая идея в голову не пришла. Классификация в науке — вещь полезная и во многих случаях необходимая, особенно в естествознании. Классификация в общественных науках — всегда что-то очень условное, относительное, граничащее с произвольным искусственным конструированием. Общественная жизнь (а уж тем более мысль) настолько разнообразна, что она ломает любую схему и любую классификацию. За рамками любой обществоведческой классификации всегда остается огромная доля материала, который в нее не влезает. Типология правопонимания — классификация такого рода. Главная цель данной типологии — упростить картину правопонимания, сузить все идейное многообразие до нескольких теорий (как правило, трех) и уже с ними производить мыслительные операции. В этом случае существенно повышается уровень обобщений, но в значительной мере утрачивается связь с реальностью, так как многое в ней игнорируется. Вопрос о типологии правопонимания не имеет прямого отношения к исследованиям права по существу, это своего рода “искусство для искусства”, игра праздного ума. Исследователь, знающий, как взяться за дело, и способный дать свою оригинальную трактовку права, не будет тратить время и силы на создание собственной классификации. И напротив, автор, испытывающий дефицит в оригинальной мысли, будет пытаться его восполнить за счет введения своей типологии. Это продемонстрировал, например, В.С. Нерсесянц, сузив все богатство мировой юридической мысли до двух типов — юридического (от *jus* — право)

и легистского (от *lex* — закон)¹⁰ — и расчленив таким способом место для либертарной теории. Поскольку академику надо было представить свою теорию как венец мировой юридической мысли, ему потребовалось свести последнюю к двум крайним точкам и на этом контрасте высветить либертарную теорию. О.В. Мартышин, вводя свою типологию, руководствуется чисто научными задачами, и, возможно, кому-то она пойдет на пользу. Однако трудно убедить компетентного читателя в том, что в основе, например, социологического правопонимания лежит юридический критерий. Социологический подход как раз и характерен тем, что нацеливает исследователя на выход за рамки юридической догматики, социология изучает не юридические аспекты права, а структурно-функциональные. Строго говоря, юридический критерий лежит в основе только одной школы (или типа) — юридического позитивизма, только здесь преобладает догматический метод, а значит, и юридический критерий.

Существенная особенность учебника проф. О.В. Мартышина — его критическая направленность, объектом его критики стали десятка полтора наших современных юристов, занимающихся философией и теорией права. В отечественной литературе трудно найти работу, в которой так густо была бы представлена критика, а потому читать ее вдвойне интересно. Автор объясняет это так: «Полемика и критика не в моде. Господствуют благодушие и миролюбие. Многие специалисты, видимо, руководствуются принципом: зачем обострять отношения, когда всем хватит ученых степеней и званий, должностей, журналов и издательств, готовых опубликовать какую угодно продукцию. Отсюда господствующее мнение: любая “концепция” имеет право на существование, или, по очень модному сейчас выражению, “имеет место быть”. Но критика — жизненно важный элемент любой науки, слабость или отсутствие критики с необходимостью ведут к деградации»¹¹. Кто-то может подумать, что такой настрой обусловлен какими-то вненаучными факторами, но это совсем не так. Дело в том, что проф. О.В. Мартышин, прошедший школу истории политических и правовых учений, привык оценивать идеи и теории, что называется, по гамбургскому счету, без скидок на разные обстоятельства. Его научные критерии и оценки выработались на материале “высокой классики”, его ориентиры — источники всей мировой политико-правовой мысли. И если после Канта, Гегеля, Маркса, Иеринга или Кельзена ему попадает текст с претензией на гениальность, а по существу являющийся только

⁹ Мартышин О.В. Указ. соч. С. 184.

¹⁰ См.: Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 32.

¹¹ Мартышин О.В. Указ. соч. С. 282.

слабым эпигоном, почему, собственно, он должен молчать? Да, Тригорин в “Чайке” у Чехова говорит: “В литературе всем места хватит, зачем толкаться”. Но, с другой стороны, если у одного есть право писать, то у другого — дать написанному оценку. Согласимся с О.В. Мартышиным в том, что культура критики у нас выродилась, тогда как до революции и в русском зарубежье пристрастная критика была нормой.

Объектом критики О.В. Мартышин избирает четыре новейшие отечественные теории: либертарную (В.С. Нерсисянц), коммуникативную (А.В. Поляков), естественно-позитивную (В.М. Шафиров), “православную” (А.М. Величко, В.В. Сорокин). Авторы критикуемых теорий должны быть благодарны ему, поскольку, хотя и в такой специфической форме, они возводятся в разряд если не классиков, то все-таки достаточно крупных и достойных внимания. Первым трем отказывается в новизне и оригинальности, четвертым — в научности. Примечательна критика “православной” теории, поскольку она ведется не столько с научных, сколько с ценностных и идеологических позиций. Так называемая “православная” теория (“так называемая” потому, что она, с точки зрения автора, не соответствует официальной позиции Русской Православной Церкви) оценивается как архаическая концепция, возрождающая худшие черты дореволюционного русского консерватизма (охранительства)¹². “Православная теория приобретает и потенциальную опасность, так как она направлена на отрицание основных ценностей, провозглашенных действующей Конституцией РФ”¹³. В этой связи следует вспомнить,

что многие выдающиеся русские дореволюционные философы и юристы создавали свои сочинения в христианском и православном духе. Как правило, это были консерваторы неортодоксального толка, но именно в их работах сосредоточилось все своеобразие русской национальной философской культуры. Кроме того, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, П.И. Новгородцев, Д.С. Мережковский и многие другие активно обсуждали общественно-политические вопросы, и это воспринималось абсолютно естественно и нормально. Разве сборник “Вехи”, пропитанный религией, идеализмом и консервативной устремленностью, — не выдающийся культурный феномен эпохи? Было бы совсем неплохо, если сегодня нашлись бы авторы такого же калибра и выпустили что-то подобное. Сами по себе попытки возродить лучшие традиции русской религиозной мысли, в каком-то смысле повторить знаменитый “религиозный Ренессанс” начала XX в. могут только приветствоваться. Главное состоит в том, чтобы мысль эта была оригинальной и глубокой. С сожалением следует признать, что религиозная философия права в современной России — художочное подражание, имеющее мало общего с великими предшественниками.

Повторим, что современная философия права в России только еще ищет свои оригинальные формы, нащупывает пути будущего развития. Надо внимательно следить за данным процессом и давать ему, по возможности, объективную оценку. Учебник проф. О.В. Мартышина являет собой пример оригинального творчества и в этом смысле может служить одним из образцов, ориентиров для будущих авторов. Представляется, что именно такую оценку учебник получит в нашей научной и преподавательской среде.

¹² См.: там же. С. 311.

¹³ Там же.